

Предисловие ко второму изданию (1935)

Эта небольшая книга была написана на основе лекции, которая была опубликована в 1916 году под названием «*La Structure de l'Inconscient*»¹. Позже эта же самая лекция вышла на английском языке под названием «*The Concept of the Unconscious*» в сборнике «*Collected Papers on Analytical Psychology*»². Я упоминаю об этом, дабы подчеркнуть, что настоящий очерк появляется в печати не впервые, но представляет собой скорее результат длительных попыток уловить и — по крайней мере, в общих чертах — описать своеобразный характер и течение *drame intérieur*³, процесса трансформации бессознательной психики. Эта идея независимости бессознательного, которая столь радикально отличает мои взгляды от позиции Фрейда, возникла у меня еще в 1902 году,

¹ См. ниже: абз. 442 и далее: «Структура бессознательного».

² 2-е изд., London, 1917; New York, 1920.

³ [Букв. «внутренняя драма» (*фр.*).]

когда я занимался изучением психической истории одной молодой женщины, страдавшей сомнамбулизмом¹. В лекции на тему «Содержание психозов», прочитанной в Цюрихе в 1908 году, я подошел к этой идее с другой стороны. В 1912 году я проиллюстрировал некоторые основные положения на примере индивидуального случая и одновременно привел исторические и этнические параллели этих явно универсальных психических явлений². В упомянутом выше очерке, «*La Structure de l'Inconscient*», я впервые попытался дать всесторонний обзор данного процесса. Это была всего лишь попытка, несовершенство которой я хорошо осознавал. Материал оказался столь трудный, что я не мог и надеяться изложить его в одном очерке. Посему я оставил его на стадии «предварительного отчета» с твердым намерением вновь обратиться к этой теме в будущем. Спустя 12 лет, в 1928 году, накопленный опыт позволил мне существенно переработать формулировки 1916 года. Результатом этих усилий стала небольшая книга «*Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten*»³. На этот раз я постарался главным образом описать связь эго-сознания с бессознатель-

¹ «К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов».

² *Wandlungen und Symbole der Libido* (Leipzig & Vienna, 1912); англ. пер.: *Psychology of the Unconscious* (New York, 1916; London, 1917). [Переиздано под названием *Symbole der Wandlung* (Zurich, 1952), рус. пер. см.: «Символы трансформации».]

³ [«Отношения между эго и бессознательным».]

ным процессом. В соответствии с замыслом особое внимание было уделено тем явлениям, которые следует считать реакциями сознательной личности на воздействия бессознательного. Таким образом я попытался хотя бы косвенно приблизиться к самому бессознательному процессу. Эти исследования по-прежнему далеки от удовлетворительного завершения, ибо ответ на ключевой вопрос о природе и сущности бессознательного процесса еще не найден. Я бы не осмелился приступить к этой чрезвычайно трудной задаче, не имея достаточного опыта. Посему ее решение откладывается до будущих времен.

Верю, что читатель не откажет мне, если я попрошу его рассматривать настоящую книгу как искреннюю попытку с моей стороны сформулировать интеллектуальную концепцию новой и еще не исследованной сферы переживаний. Речь идет не о продуманной системе мысли, а об определении сложных психических переживаний, которые никогда еще не становились предметом научного исследования. Поскольку психика является иррациональной данностью и не может, согласно прежним представлениям, быть приравнена к более или менее божественному Разуму, не стоит удивляться, что в своем психологическом опыте мы необычайно часто сталкиваемся с процессами и событиями, которые не соответствуют нашим рациональным ожиданиям и, следовательно, отвергаются рационалистической установкой сознания. Такая установка непригодна для психологического наблюдения, ибо

она в высшей степени ненаучна. Мы не должны указывать природе, что делать, если хотим наблюдать ее в неискаженной форме.

Поскольку в данной работе я попытался обобщить накопленный за 28 лет психологический и психиатрический опыт, моя небольшая книга в известной мере может претендовать на серьезное отношение. Естественно, я не мог высказать всего в одном-единственном сочинении. Продолжение рассуждений последней главы [со ссылкой на понятие самости] читатель найдет в моем комментарии к «Тайне золотого цветка» — книге, которую я издал совместно с моим другом Рихардом Вильгельмом. Я посчитал необходимым сослаться на эту публикацию, ибо восточная философия сотни лет занимается внутренними психическими процессами и потому — ввиду большой потребности в сравнительном материале — может оказать бесценную помощь в психологическом исследовании.

*К. Г. Юнг,
октябрь 1934 г.*

Часть первая
*ВЛИЯНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
НА СОЗНАНИЕ*

I. Личное и коллективное бессознательное¹

²⁰² Согласно Фрейд, содержания бессознательного можно свести к инфантильным тенденциям, вытесненным в силу их несовместимого характера. Вытеснение — это процесс, который начинается в раннем детстве под нравственным воздействием окружающей среды и продолжается в течение всей жизни. С помощью анализа вытеснение устраняется, а вытесненные желания становятся сознательными.

²⁰³ В соответствии с этой теорией, бессознательное содержит только те элементы личности, которые вполне могли быть осознаны и оказались подавлены лишь в ходе процесса обучения. Хотя, с одной стороны, инфантильные тенденции бес-

¹ Текст печатается по сборнику К.Г. Юнга «Аналитическая психология» (издательство АСТ, Москва, 2020), в который входят две работы: «О психологии бессознательного» (отдельное издание в серии «Эксклюзивная классика» — издательство АСТ, Москва, 2020) и «Отношения между эго и бессознательным». Нумерация абзацев в данном издании сохранена для удобства навигации по тексту.

сознательного наиболее очевидны, тем не менее было бы ошибкой определять или оценивать бессознательное исключительно с этой точки зрения. У бессознательного есть и другая сторона: она включает не только вытесненные содержания, но и весь психический материал, лежащий ниже порога сознания. Невозможно объяснить сублиминальную (подпороговую) природу всего этого материала на основе принципа вытеснения, ибо в этом случае устранение вытеснения должно наделять человека феноменальной памятью, которая впредь не забывала бы ничего.

204

Таким образом, мы утверждаем, что, помимо вытесненного материала, бессознательное содержит все те психические компоненты, которые оказались ниже порога, а также сублиминальные чувственные восприятия. Кроме того, мы знаем — как из богатого опыта, так и по теоретическим причинам, — что бессознательное содержит и такой материал, который еще не достиг порога сознания. Это семена будущих сознательных содержаний. Равным образом у нас есть основания полагать, что бессознательное никогда не пребывает в покое в смысле отсутствия активности, но непрерывно занято группировкой и перегруппировкой своих содержаний. Лишь в патологических случаях эту активность следует считать полностью автономной; в норме она координируется с сознательным разумом в рамках компенсаторной взаимосвязи.

Можно предположить, что все эти содержания носят личный характер, ибо приобретаются в течение индивидуальной жизни. Поскольку эта жизнь ограничена, количество приобретенных содержаний в бессознательном также должно быть ограниченным. Если так, возможно опорожнить бессознательное либо с помощью анализа, либо путем составления полного перечня бессознательных содержаний на том основании, что бессознательное не может продуцировать ничего сверх того, что уже известно и ассимилировано в сознание. Также мы должны предположить, что если бы можно было остановить погружение сознательных содержаний в бессознательное, покончив с вытеснением, то активность бессознательного была бы парализована. Это возможно лишь в очень ограниченной степени, о чем мы знаем из опыта. Мы побуждаем наших пациентов не терять вытесненные содержания, которые были вновь ассоциированы с сознанием, и ассимилировать их в свой жизненный план. Однако, как мы убеждаемся ежедневно, эта процедура не производит на бессознательное никакого впечатления, ибо оно спокойно продолжает продуцировать сновидения и фантазии, которые, согласно теории Фрейда, возникают из вытесненного личного материала. Если в таких случаях продолжать систематическое и непредвзятое наблюдение, мы обнаружим материал, который хотя и схож по форме с пред-

шествующими личными содержаниями, но содержит аллюзии, выходящие далеко за пределы личной сферы.

206 Подыскивая пример, иллюстрирующий только что сказанное, я особенно живо припомнил пациентку, страдавшую легким истерическим неврозом, который, как мы выражались в те дни [около 1910 г.], главным образом проистекал из «отцовского комплекса». Этим мы хотели подчеркнуть тот факт, что своеобразное отношение пациентки к отцу стояло у нее на пути. Она отлично ладила со своим ныне покойным отцом. Это было главным образом чувственное отношение. В таких случаях обычно развивается интеллектуальная функция, которая позже становится мостом, связывающим человека с миром. Наша пациентка занялась изучением философии. Ее энергичное стремление к знанию было мотивировано ее потребностью выйти из состояния эмоциональной привязанности к отцу. Эта операция может оказаться успешной лишь в том случае, если ее чувства могут найти выход на новом интеллектуальном уровне, возможно в формировании эмоциональной связи с подходящим мужчиной, эквивалентной прежней связи. В данном конкретном случае, однако, такого перехода не произошло, ибо чувства пациентки остались в подвешенном состоянии, колеблясь между отцом и одним не совсем подходящим мужчиной. Как следствие, движение вперед

было приостановлено; проявился тот внутренний разлад, который столь характерен для невроза. Так называемый нормальный человек, вероятно, может с помощью мощного волевого усилия разорвать эмоциональные узы с той или другой стороны; в противном случае (и это, вероятно, происходит чаще всего) он преодолеет трудности бессознательно, по накатанной колее инстинкта, не давая себе отчета в том, какого рода конфликт скрывается за его головными болями и прочими физическими недомоганиями. Однако любой слабости инстинкта (у которой может быть множество причин) достаточно, чтобы воспрепятствовать гладкому бессознательному переходу. В этом случае всякий прогресс тормозится конфликтом, а результирующий жизненный застой эквивалентен неврозу. Вследствие застоя психическая энергия растекается в самых разных направлениях, без всякой пользы. Так, возникают чересчур сильные возбуждения симпатической системы, ведущие к нервным расстройствам кишечника и желудка, или возбуждается блуждающий нерв (и, соответственно, сердце), или фантазии и воспоминания, сами по себе достаточно неинтересные, становятся переоцененными и начинают терзать сознательный разум (раздувание из мухи слона). В этом состоянии необходим новый мотив, дабы положить конец болезненной подвешенности. Сама природа прокладывает для этого путь,

бессознательно и косвенно, посредством явления переноса (Фрейд). В ходе лечения пациентка переносит имаго отца на доктора, тем самым делая его в некотором смысле отцом, а в том смысле, в котором он отцом *не* является, — субститутотом недосыгаемого для нее мужчины. Таким образом, доктор становится и отцом, и своего рода возлюбленным — иными словами, объектом конфликта. В нем противоположности объединены, в силу чего он выступает квази-идеальным решением конфликта. Сам того не желая, он становится объектом завышенной оценки, почти невероятной для стороннего наблюдателя, ибо пациент видит в нем спасителя или бога. Такое сравнение совсем не так смешно, как кажется. Конечно, быть одновременно отцом и возлюбленным — это чересчур. Никто не в силах долго выдержать такое именно потому, что это слишком. Нужно быть по меньшей мере полубогом, дабы играть эту роль без прерыва; ибо все время придется только отдавать. Пациенту в состоянии переноса это временное решение поначалу кажется идеальным, но только поначалу; через какое-то время он оказывается в тупике, который ничем не лучше невротического конфликта. В действительности ничего, что могло бы привести к реальному решению, пока не произошло. Конфликт был просто перенесен. Тем не менее успешный перенос — по крайней мере временно — заставляет невроз ис-

чезнуть. По этой причине Фрейд совершенно верно видел в нем исцеляющий фактор первоочередной важности, но одновременно и просто промежуточное состояние, которое хотя и сулит возможность исцеления, само исцелением не является.

207

Это отчасти затянувшееся обсуждение представляется мне абсолютно необходимым для понимания моего примера, ибо моя пациентка находилась в состоянии переноса и уже достигла верхней границы, где застой начинает вызывать неприятные ощущения. Возник вопрос: что дальше? Я, разумеется, сделался спасителем, и мысль отказаться от меня была для пациентки не только крайне отвратительной, но и определенно пугающей. В такой ситуации обычно проявляется так называемый «здравый смысл» с целым репертуаром наставлений: «ты просто должен», «ты же не можешь» и т.д. Поскольку здравый смысл, к счастью, явление не слишком редкое и не совсем безрезультатное (пессимисты, я знаю, существуют), рациональный мотив может, в чувстве воодушевления и бодрости, которое возникает при переносе, выпустить столько энтузиазма, что мощным волевым усилием человек решается даже на болезненную жертву. Если это происходит успешно, жертва приносит свои плоды: бывший пациент одним прыжком оказывается в состоянии практически исцеленного. Доктор обычно настолько этому рад, что